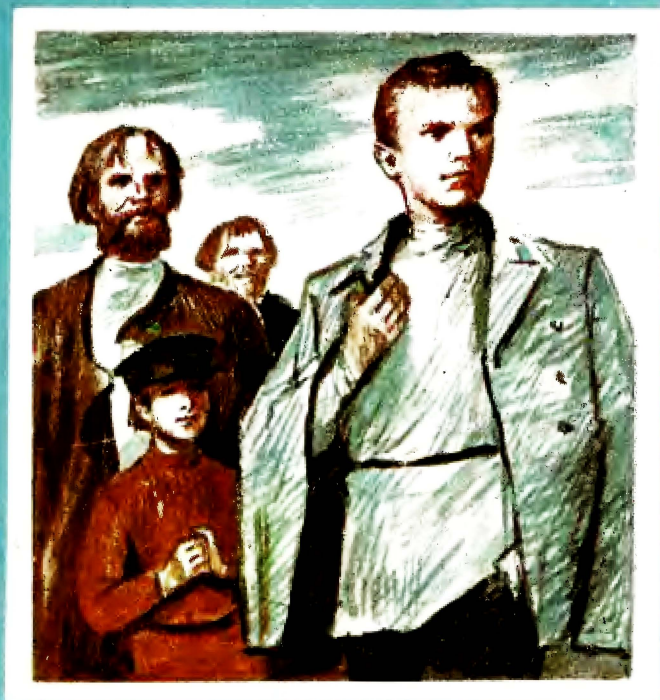

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Зоя Воскресенская

ЛУННАЯ
ТЕНЬ

*Издательство
„Детская литература“*

ЗОЯ ВОСКРЕСЕНСКАЯ

ЛУННАЯ ТЕНЬ

Рассказ

Москва
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1983

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

В серии «Книга за книгой» публикуется новый рассказ писательницы Зои Ивановны Воскресенской «Лунная тень», в котором рассказывается о жизни семьи Ульяновых в Кокушкине.

Писательница З. И. Воскресенская известна как автор книг для юных читателей о В. И. Ленине и семье Ульяновых. Это цикл рассказов «Сквозь ледяную мглу» — о жизни Ленина и Крупской в годы первой русской революции, повесть «Утро» — о бессмертном подвиге нашего вождя в предоктябрьские и октябрьские дни 1917 года, повести «Сердце матери» и «Встреча» — о Марии Александровне Ульяновой, «Надежда» — о Надежде Константиновне Крупской, сборник рассказов «Костры», охватывающий различные периоды жизни и деятельности В. И. Ленина. По повестям «Сердце матери» и «Встреча» поставлена кинодиалогия «Сердце матери» и «Верность матери», получившая широкое признание у нас и за рубежом. Повесть о Н. К. Крупской легла в основу кинофильма «Надежда», также тепло принятого нашей общественностью. Юные читатели знают художественно-публицистические книги писательницы: «Дорогое имя», «Слово о великом Законе», повести и рассказы о пионерах и октябрятах — «Девочка в бурном море», «Ястребки», «Ленивое солнце» и другие.

Писательница З. И. Воскресенская — лауреат Государственной премии СССР, лауреат премии Ленинского комсомола.

Рисунки С. Трофимова

Воскресенская З. И.

B76 Лунная тень: Рассказ / Рисунки С. Трофимова. — М.: Дет. лит., 1983. — 16 с., ил. — (Книга за книгой).

5 к.

Рассказ о жизни семьи Ульяновых в Кокушкине.

P2

Из распахнутого окна в комнату потянуло свежей сыростью, запахом цветущего табака, спелых яблок. Володя сидел за столом, читал и делал выписки в тетрадь. Иногда он отрывался от книги, прислушиваясь, как в саду стрекочут кузнечики, сонно попискивает какая-то пичужка. Вокруг лампы вьются мошки, комары, ночные бабочки, обжигают о стекло крылья, падают на стол, оставляя на бумаге пепельный след пыльцы. А на смену им летят другие. Яркий пузырь керосиновой лампы притягивает их, как солнце, они летят, танцуют, обжигаются, гибнут...

Пошёл уже второй месяц, как Ульяновы живут в Кокушкине. В позапрошлом году, как всегда, приезжали всей семьёй. Это было самое весёлое и беззаботное лето... В прошлом году приехали без Ильи Николаевича, через пять месяцев после его смерти. Вся деревня вышла тогда на тракт встречать осиротевшую семью, чтобы выразить сочувствие тяжкому горю. Илью Николаевича любили и почитали, а Марию Александровну старухи по привычке называли

Машенькой, знали её ещё девочкой. Здесь она вышла замуж, и свадьбу справляли в Кокушкинской усадьбе, а затем привозила сюда одного за другим всех своих шестерых детей. Дети подрастали, водили дружбу с деревенскими сверстниками — русскими и татарами. Мария Александровна была в деревне и лекарем, и советчиком, и крёстной матерью многих детей.

А вот в это лето никто не вышел навстречу. Даже деревенские ребятишки не прибежали за гостинцами. Ульяновы приехали на этот раз без Саши. Через семь недель после его страшной гибели, казни. И Аня прибыла в Кокушкино не отдыхать, а отбывать свою пятилетнюю ссылку. Опальная семья... Непривычно тихо стало в усадьбе. Один только урядник навевался каждый день, чтобы удостовериться, что его «подопечная» Анна Ульянова на месте. Зачастил в деревню и становой пристав из Лаишевского уезда. Большой, рыжий, он приезжал, развалиясь в тарантасе, пинком сапога распахивал дверь в любую избу и, гремя саблей, усаживался в передний угол. Зыркал злыми зелёными глазами и устрашающе вопрошал: «Ну, как перед богом, докладывайте, кто приезжал к Ульяновым, пошто приходят они к вам в деревню, о чём говорят? Кто им землянику да грибы носит?» Крестьяне божились, что Ульяновы в деревню не заглядывают, никто к ним в усадьбу не ходит. «Смотрите вы у меня. Мне всё известно! — многозначительно произносил пристав. — Не забывайте, что Ульяновы опасные государственные преступники. Ихний сын Александр на царя руку поднял, за что жизни его лишили. Повесили, значит».

Так, впервые за много лет, между усадьбой и деревней усилиями полицейских была воздвигнута стена отчуждения.

Стрекочут кузнечики. Вьются вокруг лампы ночные бабочки. Всё как прежде. И всё иначе...

Володя смахнул с бумаг мошкарку, разглядел рукой страницы раскрытой книги и заставил себя вчи-

тываться в строчки «Юридической энциклопедии». Через три недели с небольшим он станет студентом юридического факультета Казанского университета. И уже сейчас старается включиться в ритм студенческой жизни. Он должен явиться в аудиторию не раздавленным горем потери старшего брата, а собранным и стойким.

В саду послышались чьи-то тяжёлые шаги. Володя поднялся со стула. Кто это мог быть? Наверно, урядник увидел освещённое окно и решил проверить, что здесь происходит. Володя подошёл к окну, чтобы закрыть его, но перед ним возникла фигура Карпея.

— Здравия желаем, Володимир Ильич.— Старик снял картуз и поклонился.

— Здравствуйте, дедушка Карпей. Что привело вас в такой поздний час?

— Беда привела, Володимир Ильич. Я понимаю, у вас своё лихое горе...

— Я сейчас выйду, дедушка Карпей.— Володя накинул на плечи гимназическую тужурку и вышел на крыльцо. В тёмном небе над вязами сверкали яркие звёзды.

— Присядем,— предложил Володя.

Карпей, кряхтя, опустился на ступеньку.

— Что за беда? Что случилось, дедушка Карпей?

— Светопреставления люди ждут в пятницу. Прихода антихриста. Земля, говорят, разверзнется, скот и избы в тартарары провалятся, люди в геенне огненной сгорят.

— Кто говорит-то?

— Все говорят. Гуртовщики сказывали, которые скотину намедни гнали на убой в Казань. Юродивые люди приходили, говорили, что в пятницу конец света предстоит. Закупщики из городу приезжали, скот закупать. Яков Феклин дал согласие свою лошадь за четверть цены продать, всё равно погибнет.

Володя встал.

— Вот, вот, вот! Даже на лунной тени тол-

стосумы наживаются. Сами-то они грамотные, понимают, что никакого светопреставления не будет, а людское неведение используют. Ну, скажите, дедушка Карпей, если всё погибнет и провалится в тартарары, зачем им скот покупать, на тот свет его с собой не возьмёшь?

— Нет, зачем он там? — согласился Карпей. — Но ведь все говорят. А дыма без огня не бывает.

— Не бывает, — подтвердил Володя. — Вы разумный человек. Папа любил с вами о жизни беседовать, философом, рассудительным человеком называл...

— Да, Илья Николаевич уважительный был к нам, не брезговал. Царство ему небесное.

— Так вот, — продолжал Володя. — Седьмого августа, в пятницу, будет солнечное затмение. Об этом давно во всех газетах пишут. Луна на некоторое время между Землёй и Солнцем окажется. Всё это продолжится минут двадцать. Никакого вреда людям и скотине это не принесёт. Уговорите, дедушка Карпей, людей не разоряться. Пусть они этих закупщиков вон гонят и скотину за бесценок не продают. Да и зачем деньги людям на том свете, если уж всё в тартарары пойдёт?

— Не поверят мне мужики. Может, вы сами в деревню пойдёте да всё разъясните?

Володя ответил не сразу:

— Нет. Наше появление сейчас в деревне может быть неправильно истолковано. Запугали ведь полицейские крестьян. А рано утром в пятницу мы придём в деревню. Я и Оля.

— А Марья Александровна? Она ведь для наших баб что мать родная. Сорок лет, поди, вместе с нами.

— Я не хотел бы причинять маме лишнюю боль. Аня хворает, никак не может оправиться после тюрьмы и гибели брата.

— Да, да. Понимаю. Вы теперь, Володимир Ильич, за старшего. Коли моя помощь в чём нужна, я всегда готов... если живы будем. С мужиками я потолкую. Спасибочко вам.

Карпей ушёл.

Володя стоял на крыльце и думал. «Старшой!» — сказал Карпей. «Старший», — повторил Володя вслух, словно взвешивая это слово и постигая его значимость. Старший — стало быть, ответственный за всё: за судьбу всей семьи, за здоровье мамы, Ани, за будущее Оли, Мити и Маняши. И за судьбу деревни Кокушкино тоже. Отец, Илья Николаевич, считал своим долгом сделать Симбирскую губернию сплошь грамотной, просвещённой. Саша думал о судьбе всего народа и считал себя лично ответственным за его будущее... Лично ответственным...

Лёгкая рука легла на плечо Володи.

— Володюшка!

— Мамочка! Я тебя разбудил?

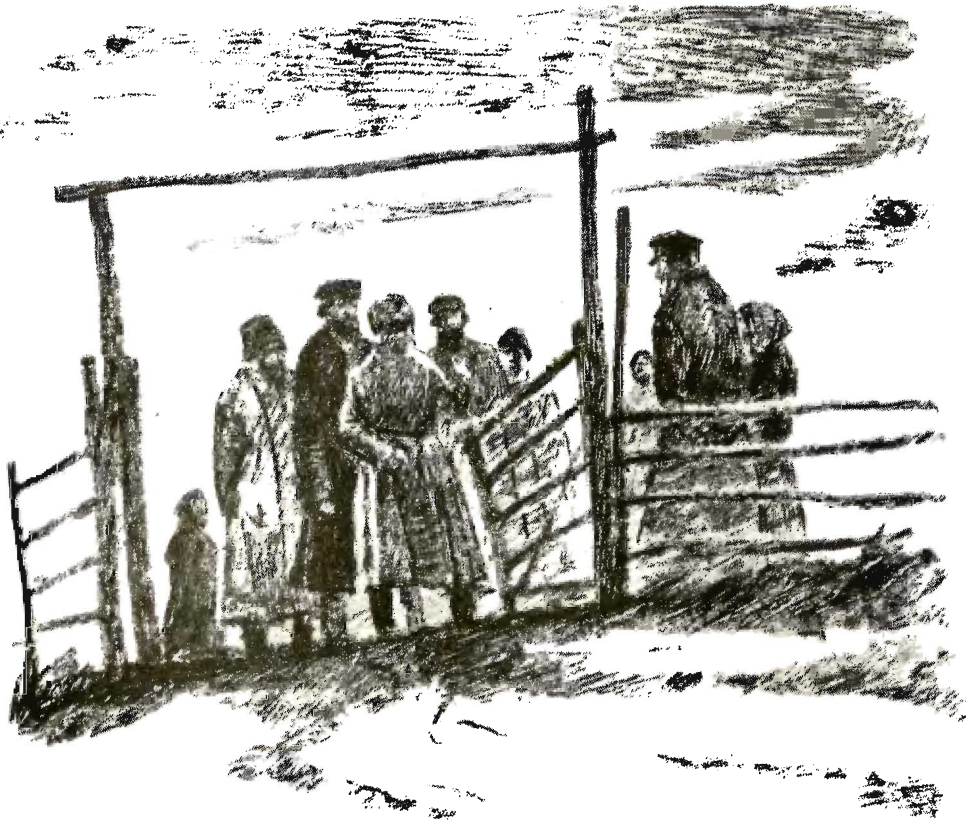
— Нет. Я не спала и всё слышала. Я тоже пойду в деревню. Людям будет спокойнее, если мы будем рядом. Постараемся им всё объяснить.

Ночью с четверга на пятницу Ульяновы отправились в деревню. Мария Александровна, Володя и Оля. Анна осталась дома с младшими. В избах светились окна. Никто в эту ночь не ложился спать. Люди сидели семьями на крыльчках, одетые, обутые, собравшиеся в дальний путь. Малыши спали на руках у матерей. Во всех избах горели лампадки перед иконами, и старики, стоя на коленях, клали земные поклоны, молились о спасении души, об отпущении грехов.

Мария Александровна присела на скамеечке у крайней избы рядом с хозяйкой Настасьей — знала её давно, была на её свадьбе. Настасья распознала в темноте Марию Александровну, припала ей на грудь, расплакалась.

— Что же ты младшеньких-то бросила? Как они без тебя на тот свет отправятся, всем вместе надобно, — причитала Настасья.

— Полно, полно, Настасья. Ничего плохого не произойдёт. Поверь ты мне. Будет солнечное затмение.

— Вот так и юродивый говорил: поначалу погаснет солнце, потом затрясётся земля, разверзнется...

— Не будет никакого землетрясения.

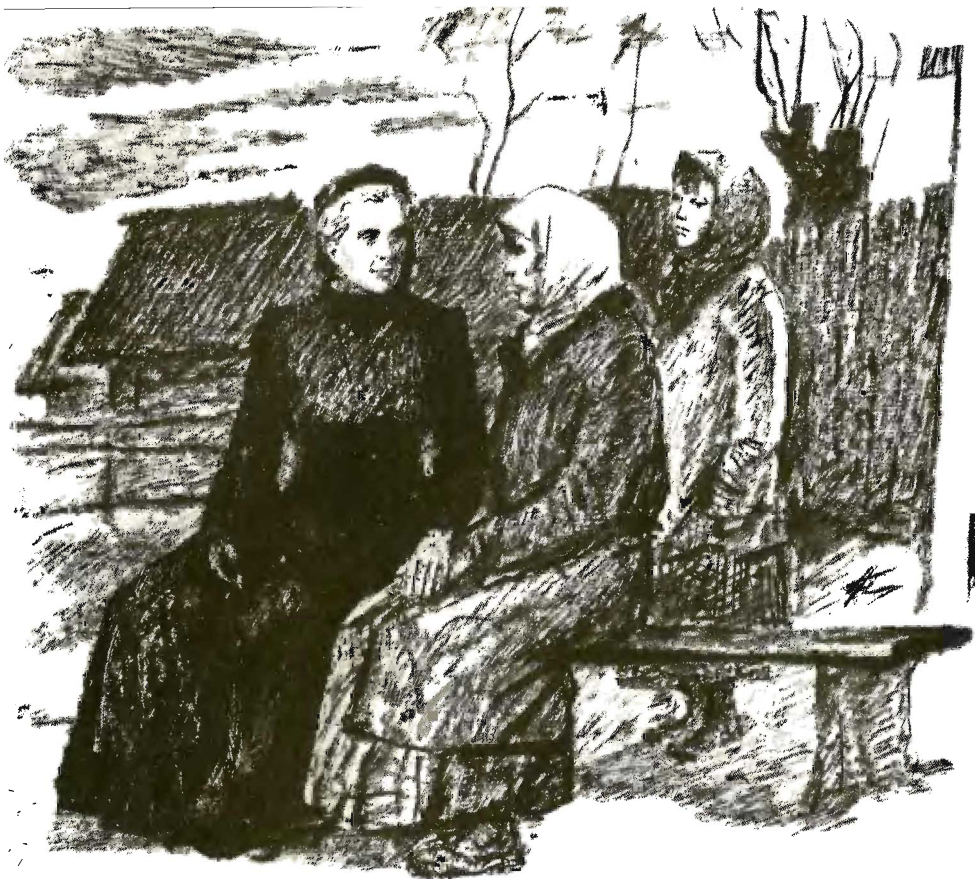
— Ой ли? — с сомнением покачала головой женщина. — Откуда тебе воля божья известна?

— Да учёные давно всё объяснили. Много веков назад...

В другой избе Оля установила на столе астрономический прибор — теллурий, который принесла с собой, и объяснила собравшимся ребятишкам, как Земля вращается вокруг Солнца и вокруг своей оси, а Луна оборачивается вокруг Земли и сегодня на некоторое время окажется между Землёй и Солнцем. Тень от неё упадёт на Землю.

— Что ты неправду говоришь? — возразил Оле татарский мальчик Мустафа. — Солнце большой, луна маленький.

— Окно больше твоей руки? — спросила его Оля.

— Ну и что?

— А вот прищурь один глаз, а перед другим выставь ладонь, и ты заслонишь ладонью окно.

Мустафа и другие ребяташки щурились, вытягивали ладони.

— А я рукой аж соседнюю избу закрыл, — радостно сообщил Васятка, сын бурлака. — Стало быть, и папаня возвратится и в тартарары не провалимся?

Володя беседовал с мужиками.

Старый мельник, который перед тем рассказывал, как выглядит антихрист — главный чёрт, с рогами и копытами, с длинным хвостом, из рта огненный язык высовывается, — описывал его так, будто с ним личное знакомство водил, выслушав Ульянова, схватил свой картуз и, бормоча что-то под нос, пошёл прочь. Вскоре явился урядник.

— Богохульствовать, господин Ульянов, я запре-

щую,— сказал он, подходя к избе, у которой собрались мужики.

— Я не богохульствую,— с достоинством ответил Володя,— я объясняю, как будет проходить солнечное затмение и что никакого вреда людям оно не принесёт.

— Люди должны перед светопреставлением молиться об отпущении грехов, а вы им тут всякие сказки рассказываете, от беседы с господом богом отвлекаете.

— Ну, тогда вы, господин урядник, которому всё и обо всём доподлинно известно, расскажите, как будет происходить светопреставление.

Мужики притихли.

Урядник поскрёб большим пальцем бороду.

— Как полагается. Солнце, значит, погаснет, будет земли трясение, потом появится антихрист в своём страшном обличье и всех нас в преисподнюю скинет.

— А я утверждаю, что землетрясения не будет. Никто никуда не провалится. Должен вас огорчить, что антихрист если и явится, то пожалует лично к вам.

Урядник перекрестился и плюнул три раза через левое плечо.

— Свят, свят, свят, рассыпья.

— Луна ненадолго закроет Солнце,— продолжал Володя.— На время затмения похолодает, поэтому я советую всем одеться потеплее. Скот на пастбище выгонять не следует, потому что животные во время затмения ведут себя беспокойно, для них это непривычно.

— Вы народ мутите! С толку сбиваете! — грозно сказал урядник.— Люди с жизнью прощаются.

— О том, кто сбивает народ с толку, мы узнаем через несколько часов. За вашу драгоценную жизнь я спокоен, господин урядник. Пока вам ничего не угрожает. Пока...

— О вашем дерзком поведении я доложу господину становому приставу.

— Тогда торопитесь. До светопреставления остаётся всего часа два. Начинает светать.

— Мы перед богом все равны,— примирительно сказал Яков Феклин, стоявший рядом.— А вы, Володимир Ильич, не берите лишнего греха на душу.

— Всё будет так, как я сказал,— твёрдо ответил Володя.— Солнечное затмение очень интересное явление. Закоптите кусочки стёкол, чтобы наблюдать, как Луна постепенно начнёт закрывать Солнце, а потом сойдёт с него.

Рассвело. На востоке по горизонту лежали тучи, плотные, как войлок, а в зените неслись лёгкие, похожие на одуванчики, облака. Люди вышли на улицу. Не дымили трубы в избах — о еде никто не думал. Только коровы жалобно мычали, просили, чтобы их подоили и выпустили в поле. Мальчишки взобрались на крыши домов и сараев, у каждого в руке было закопчённое стекло. Об этом позаботилась Оля. Бабы с малышами сбились в кучу, с опаской поглядывая на Марию Александровну, стоявшую поодаль.

— Ишь, солнце напоследок в одеялку закуталось,— раздался чей-то жалостливый голос.

Оля подошла к Володе.

— Ужасно обидно будет,— сказала Оля брату,— если тучи закроют небо и люди не увидят всех фаз затмения. Ты знаешь, я чувствую себя как на самом ответственном экзамене, будто я режиссёр этого «светопреставления».

— Да, недаром ты у нас считаешься главным астрономом,— отозвался Володя.— Я тоже волнуюсь. Люди пока верят уряднику, мельнику, юридивому, а не нам. Что-то будет через час?

Оля подбежала к Марии Александровне.

— Мамочка, дай мне, пожалуйста, твои...— Оля запнулась,— папины часы. Я буду рассказывать по минутам, чтобы люди поверили в силу науки.

Мария Александровна вынула из-за пояса тяжёлые часы Ильи Николаевича и, отстегнув их от шнурка, протянула дочери.

— Затмение начнётся через полчаса... Затмение начнётся через полчаса,— говорила Оля, перебегая от группы к группе.

Тревожно закричал петух. Куры хором закудахтали и мгновенно смолкли.

— Петух беду возвещает, свою смертушку чует,— раздались голоса.

Замычали коровы, лошади беспокойно били копытами.

— Скот чувствует приближение затмения и будет беспокоиться ещё больше. Обратите внимание,— звонким голосом оповещала Оля,— во время затмения закроются цветы, которые закрываются на ночь. Птицы замолкнут. Но пусть вас это не пугает. Кончится затмение, и цветы раскроются, птицы вновь запоют.

Тучи на востоке редели. Солнце словно оттесняло, плавило их, высвобождалось для поединка с Луной.

— Затмение начнётся через пять минут. Через пять минут!

— Тише, тише ты,— шептали и крестились бабы.

— Смотрите в стёкла, вот сейчас вверху справа на Солнце появится ущербинка и будет увеличиваться,— звучал в тишине голос Оли.

Люди боязливо подносили к глазам закопчённые стёкла.

Ребята скатывались с крыш и жались к матерям.

Солнце светило по-прежнему ярко, но уже половину его закрыла тень Луны. А затем день начал бледнеть. Постепенно гасли краски, небо линяло и из голубого становилось зеленовато-бурого цвета. Трава, рожь, листья на деревьях стали бесцветно-серыми. Пепельная тьма покрыла землю. Поднялся ветер, холодный, порывистый. Луна закрыла Солнце, и из-под круглого чёрного гнёта стали выбиваться огненные языки, словно Солнце раздавили. На небе загорелись звёзды.

Люди взвыли и рухнули на колени. Малые дети заходились в плаче, вырывались из рук матерей,

бабы истошно голосили, мужики истово крестились. У кого-то в руках дрожала зажжённая свеча. Ветер колыхал её мертвенно-бледное пламя. Мария Александровна подошла к одной горестно воющей женщине и погладила её по голове.

— Успокойтесь, сейчас всё кончится.

Та оттолкнула Марию Александровну.

— За грехи твоего сына Александра господь бог наказывает всех нас. — Она взглянула злобными бесцветными глазами и, вскинув руки к небу, заголосила ещё громче.

Мария Александровна вздрогнула, сердце её ущемила боль.

— Господи, прости все прегрешения наши! Господи, спаси и помилуй! — слышалось вокруг. В этот хаос людских воплей врывалось дикое ржанье лошадей, они били копытами, готовые разнести сараи, коровы утробно мычали, выли собаки.

Оля стояла рядом с Володей.

— Тебе страшно? — спросил он и обхватил сестру за плечи. Оля дрожала.

— Мне холодно и очень неуютно. Это не похоже на сумерки, не похоже на ночь. Это какой-то мёртвый полусвет. Ты совсем зелёный, как пришелец с другой планеты. Просто прозрачный... Сейчас покажется Солнце! — крикнула Оля, её голос потонул в диких воплях.

Володя неотрывно смотрел на круглое чёрное пятно, из-под которого выбивались протуберанцы, но эти языкастые и щёткообразные пульсирующие огни не освещали, а лишь подчёркивали мёртвый мрак мира.

Володя сомкнул ладони в трубку и прокричал:

— Сейчас появится Солнце! Лунная тень сходит с Солнца!

Оля бегала, поднимала людей с колен.

— Смотрите в стёкла! Наверху справа показался серп Солнца!

Опрокинутый серп увеличивался, наливался светом. Светлело и на Земле. С неба словно кто-то медленно стягивал траурную шаль с юга на север. Облака освобождались от пепла, заголубело небо. Всё ярче разгоралось величественное светило. Лунная чёрная тень, двигаясь справа налево, соскользнула с Солнца, траурная шаль свернулась и нырнула за округлую черту горизонта.

Солнце светило нестерпимо ярко, празднично, победно. Белые облака-одуванчики летели по голубому небу, зазеленели трава и деревья, зазолотились ржаные поля. В небо взметнулись жаворонки и запели приветную песнь Солнцу. Ветер стихал. Потеплело. Зазвенели комары и стали плести в воздухе тонкое замысловатое кружево. Коровы мычали просяще. Весело и привольно прокричал петух, ему ответили хлопотливым кудахтаньем куры.

Люди вставали с колен и смахивали слёзы, уже счастливые слёзы, и словно впервые познавали красоту мира.

— Ослобонилось! Снова светишь! Снова греешь! Слава всевышнему! — слышались радостные возгласы.

И впервые, сбросив с себя так много дней давящую тяжесть, бабы собрались вокруг Марии Александровны. Она стояла прямая, строгая, её тёмные глаза светились печалью и нежностью. И тут только заметили бабы, что из-под наколки на голове Марии Александровны выбиваются волосы, белые, как облака на небе, а ещё в прошлом году они были золотисто-рыжеватые. Женщины молча, лёгким прикосновением, ласковым взглядом старались утешить, приголубить её. Слова были лишние.

Оля обняла за шею брата и прижалась к нему перепачканной сажей щекой.

— Как тебя лунная тень закоптила, — усмехнулся Володя, вытирая ладонью щеки Оли.

— А ты о чём-то всё время думал. О чём? — спросила Оля.

— Думал о том, как люди плохо понимают, что живут во мраке даже при солнечном свете. И где эта сила, которая бы открыла народу солнечный диск свободы? Саша пытался сдвинуть этот чёрный круг десятком людей. А нужна огромная сила, воля миллионов. Земля летит вокруг Солнца с непостижимой скоростью.

— Два с половиной миллиона километров в день, — уточнила Оля.

— А мы так медленно живём на этой стремительной планете. Если мне дано прожить столько, сколько папа, то я уже прожил почти треть жизни и ничего ещё не сделал,— с горечью произнёс Володя.— Ровным счётом ничего. Если бы успеть за нашей планетой! Всё это, конечно, из области фантастики, но жить надо стремительно, чтобы ни одна минута, ни одна секунда не пропала зря

— Но чтобы каждая секунда твоей жизни стала даром для народа! Подумай, какая игра слов.

— Нет, Оля, это не игра. Я вполне серьёзно.

Дед Карпей ходил гоголем и спрашивал то одного, то другого мужика:

— Ну как, доволен теперь, что корову не продал? Пригодится на этом свете. То-то!

К Володе подошёл и Яков Феклин, поклонился:

— Спасибо, Володимир Ильич. Ежели понадобится лошадь в Казань или куда ехать, милости просим. Я завсегда готов. Чай, до Казани сорок вёрст...

Женщины, позвякивая ведрами, шли доить умученных коров. Утки, тяжело переваливаясь с боку на бок, спешили к пруду, где раскрывали атласные белые и золотые венчики кувшинки, табачки в палисадниках смыкали лепестки и до вечера погружались в дрему.

Мимо Марии Александровны прошла женщина, которая оттолкнула так грубо её руку, и, взглянув виноватыми голубыми глазами, всхлипнула. Ничего не сказала.

— Спасибо тебе, голубушка ты наша, вразумила нас,— привлекла к себе Настасья тонкую хрупкую фигурку Марии Александровны.— Малина поспела, на грибы нынче урожай богатый, ребятишки собирают, принесут. Только бы ты была здорова.

Урядник стоял в стороне ото всех, слюнявил самокрутку и не смел поднять глаза.

Лунная тень исчезла.

5 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

В серии «Книга за книгой» в 1983 году вышли
и выходят следующие книги:

Васильев И. АЛЫЕ ПИЛОТКИ.

*Повесть рассказывает о ребятах, принимающих активное участие
в трудовой жизни своего колхоза.*

Железников В. УЛИЦА БЕЛОГО ЛОСЯ.

*Рассказ о жизни детей и взрослых, о строителях рабочего
посёлка.*

Нагишкин Д. САМЫЙ СИЛЬНЫЙ.

*Дальневосточные сказки, в которых прославляется доброта,
честность, мужество.*

Твардовский А. РАССКАЗ ТАНКИСТА.

Широкоизвестные стихи о войне, о родине.

Устинович Н. ТАЕЖНЫЕ РАССКАЗЫ.

Рассказы о тайге и её обитателях — птицах, зверях.

Для младшего школьного возраста

Зоя Ивановна Воскресенская

ЛУННАЯ ТЕНЬ

Рассказ

ИБ № 6458

Ответственный редактор Л. П. Серебрякова. Художественный редактор М. Д. Суховцева. Технический редактор Л. П. Костикова. Корректор И. Н. Мокина. Сдано в набор 21.07.82. Подписано к печати 18.03.83. Формат 60 × 90¹/₁₆. Бум. офс. № 2. Шрифт обыкн. Печать офсетная. Усл. печ. л. 1,0. Усл. кр.-отт. 1,5. Уч.-изд. л. 0,81. Тираж 1 000 000 экз. Заказ № 1728. Цена 5 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглаволиграфпрома Госкомиздата РСФСР, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.